

RU

Насеризм и арабский национализм: трансформация панарабской идеи в условиях геополитических вызовов Ближнего Востока (1948-1961)

Чикаидзе Ц. М.

Аннотация. Цель исследования – комплексно охарактеризовать насеризм как политико-идеологическую модель арабского национализма второй половины XX столетия, выявив историко-политические предпосылки его становления, идейное содержание и значение для трансформации панарабской идеи. В статье насеризм рассматривается в контексте кризиса арабской политической системы, обострившегося после поражения арабских государств в Первой арабо-израильской войне 1948-1949 гг., усиления антиколониальных настроений, ослабления традиционных механизмов легитимации власти и поиска новых форм региональной консолидации. В содержательном плане показано, что насеризм не сводился к политическому курсу египетского руководства, а представлял собой сложное соединение антиимпериалистических установок, панарабистских концепций, идей социального преобразования и задач государственного строительства. Особое внимание уделено влиянию арабской интеллектуальной традиции, включая идеи Тахи Хусейна, Саты аль-Хусри и Мишеля Афляка, на формирование представлений о национальном единстве, политической самостоятельности и исторической миссии арабских народов. Научная новизна исследования состоит в интерпретации насеризма как противоречивой политико-интеллектуальной конструкции, сформировавшейся на пересечении панарабского универсализма и принципа национально-государственного суверенитета. В отличие от подходов, рассматривающих насеризм преимущественно как разновидность арабского социализма или египетского авторитарного модернизационного проекта, в статье акцентируется напряжение между каумизмом (панарабской трактовкой арабской нации как надгосударственной общности, основанной на общности языка, исторической памяти и культурной идентичности) и ватанизмом (государственно-территориальной лояльностью к конкретной стране, ее институтам и суверенитету), закреплявшим приоритет конкретного государства. В результате исследования установлено, что насеризм обладал двойственной историко-политической природой. С одной стороны, он выступал инструментом антиколониальной мобилизации, укрепления египетского суверенитета, легитимации социально-экономических реформ и утверждения идеи арабской солидарности. С другой стороны, его практическая реализация выявила структурные ограничения панарабских интеграционных проектов, наиболее отчетливо проявившиеся в распаде Объединенной Арабской Республики. Вместе с тем обосновано, что насеристское наследие не утратило значения после краха египетско-сирийского объединения: его ключевые элементы – антиколониализм, социальная справедливость, государственно ориентированная модернизация и идея арабского единства – сохранили влияние на политическую культуру и внешнеполитическое самоопределение арабских государств.

EN

Nasserism and Arab nationalism: the transformation of the pan-Arab idea amidst the geopolitical challenges of the Middle East (1948-1961)

T. M. Chikaidze

Abstract. The aim of the study is to comprehensively characterize Nasserism as a politico-ideological model of Arab nationalism in the second half of the 20th century, identifying the historical and political prerequisites of its emergence, its ideological content, and its significance for the transformation of the Pan-Arab idea. The article examines Nasserism in the context of the crisis of the Arab political order, which intensified after the defeat of the Arab states in the First Arab-Israeli War of 1948-1949, the rise of anti-colonial sentiment, the weakening of traditional mechanisms of political legitimacy, and the search for new forms of regional consolidation. The study demonstrates that Nasserism cannot be reduced merely to the political course pursued by the Egyptian leadership. Rather, it represented a complex synthesis of anti-imperialist principles, pan-Arab concepts, ideas of social transformation, and the imperatives of state-building. Particular

attention is given to the influence of the Arab intellectual tradition, including the ideas of Taha Hussein, Sati' al-Husri, and Michel Aflaq, on the formation of notions of national unity, political independence, and the historical mission of the Arab peoples. The scholarly novelty of the research lies in interpreting Nasserism as a contradictory political and intellectual construction that emerged at the intersection of pan-Arab universalism and the principle of national-state sovereignty. In contrast to approaches that regard Nasserism primarily as a form of Arab socialism or as an Egyptian authoritarian project of modernization, this article emphasizes the tension between *qawmiyya*, oriented toward supranational Arab unity based on a shared language, historical memory, and cultural identity, and *wataniyya* (state-territorial loyalty to a specific country, its institutions, and sovereignty), which affirmed the priority of the particular nation-state. The study concludes that Nasserism possessed a dual historical and political nature. On the one hand, it functioned as an instrument of anti-colonial mobilization, the strengthening of Egyptian sovereignty, the legitimization of socio-economic reforms, and the promotion of Arab solidarity. On the other hand, its practical implementation revealed the structural limitations of pan-Arab integration projects, most clearly manifested in the collapse of the United Arab Republic. At the same time, the article substantiates that the Nasserist legacy did not lose its relevance after the failure of the Egyptian-Syrian union. Its key components – anti-colonialism, social justice, state-oriented modernization, and the idea of Arab unity – continued to influence the political culture and foreign-policy self-identification of Arab states.

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного осмысления насеризма как одной из наиболее значимых форм арабского национализма второй половины XX века. Его формирование было обусловлено не только внутривосточными преобразованиями Египта после Июльской революции 1952 года, но и глобальными процессами деколонизации, кризиса традиционных элит и поиска новых моделей консолидации арабского мира. Поражение арабских государств в Первой арабо-израильской войне 1948-1949 гг. выявило ограниченность прежних политических институтов и усилило потребность в идеологии, способной объединить национальное освобождение, социальное обновление и идею общеарабского единства.

Насеризм в этом контексте выступал не только как египетская политическая доктрина, легитимизирующая новый республиканский режим и мобилизующая население, но и как инструмент утверждения лидерства Египта в регионе. Его специфической особенностью было сочетание антиколониального дискурса, панарабской риторики, модернизационной программы и внешнеполитического маневрирования в условиях холодной войны. Исследование насеризма позволяет выявить противоречие между универсалистской идеей арабского единства и практикой государственного суверенитета отдельных стран.

Для реализации цели поставлены следующие задачи:

- охарактеризовать последствия поражения арабских государств в войне 1948-1949 гг. для внутривосточной стабильности и легитимности правящих элит;
- определить интеллектуальные и политические предпосылки формирования насеризма, включая влияние национально-освободительных движений и наследия Тахи Хусейна, Сати аль-Хусри и Мишеля Афляка;
- проанализировать геополитический контекст и противоречия между панарабской концепцией, принципами государственного суверенитета и практикой интеграционных проектов, на примере Объединенной Арабской Республики.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности и научной объективности. Принцип историзма позволяет рассмотреть формирование насеризма в контексте политических последствий Первой арабо-израильской войны 1948-1949 гг., египетской революции 1952 г., Суэцкого кризиса и опыта Объединенной Арабской Республики. Системный подход используется для анализа насеризма как комплексного феномена, включающего идеологические, социальные, политические и внешнеполитические компоненты. Соблюдение принципа научной объективности предполагает сопоставление архивных материалов, программных текстов политических деятелей, отечественных и зарубежных исследований, что позволяет избежать односторонней трактовки насеризма исключительно как египетского авторитарного национализма или как завершенной формы панарабской идеологии.

Материалом для исследования стали архивные документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ, ф. 087, оп. 13; АВП РФ, ф. 56 Б, оп. 9) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ, ф. 5, оп. 28). Указанные материалы позволяют реконструировать особенности восприятия арабского национализма советской дипломатией, определить характер внешнеполитических оценок насеристского курса и выявить специфику взаимодействия СССР с Египтом и другими ближневосточными акторами в условиях холодной войны. Значимым источником является работа Gamal Abdel Nasser "The Philosophy of the Revolution" (1959), в которой отражены базовые представления египетского лидера о революции, национальном освобождении, социальной справедливости и роли Египта в арабском мире.

Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные труды, посвященные истории арабского национализма, панарабизма, насеризма и международных отношений на Ближнем Востоке. Общая эволюция арабского национализма в XX веке рассмотрена в работах A. Dawisha (2016), M. Doran (1999), T. Y. Hasou (1985). Существенное значение имеют исследования P. J. Vatikiotis (1991), M. Kamrava (2013), F. H. Lawson (2006),

R. Hinnebusch (2003), в которых раскрываются особенности политической трансформации Египта и арабского мира после Первой мировой войны, а также специфика региональной политики в условиях противостояния внутренних и внешних факторов.

Отдельное направление историографии представлено трудами, посвященными непосредственно личности Г. А. Насера, египетской революции, Суэцкому кризису и опыту Объединенной Арабской Республики. В работах A. Nutting (1972), J. Jankowski (2002), K. Kyle (2003), R. McNamara (2003), E. Podeh (1999; 2003) анализируются политические основания насеризма, механизмы мобилизации арабского общества, внешнеполитическая стратегия Египта, а также причины ограниченности интеграционного проекта Объединенной Арабской Республики. Особую ценность представляют исследования E. Podeh, поскольку в них опыт арабского единства рассматривается не только как дипломатический проект, но и как показатель противоречий между панарабской риторикой и интересами национальных государств.

В отечественной историографии проблематика арабского национализма, насеризма и региональной политики Ближнего Востока получила отражение в работах А. М. Васильева (2010), В. В. Наумкина (2021), И. Д. Звягельской (2022; 2024), А. В. Корнилова (2020), В. П. Румянцева (2025), В. А. Ильина и В. Д. Нечаева (2022). В данных исследованиях рассматриваются процессы деколонизации, трансформация политических элит, формирование новых региональных пространств, соотношение исторической памяти и арабской идентичности, а также внешнеполитическая конкуренция ведущих держав на Ближнем Востоке. Работа А. М. Васильева (2010) позволяет рассматривать арабский мир в контексте долгосрочных политических и социокультурных процессов; исследования В. В. Наумкина (2021) и И. Д. Звягельской (2022; 2024) раскрывают специфику современных форм арабского национализма и нового регионализма; статья А. В. Корнилова (2020) акцентирует внимание на кризисе легитимности арабских элит после войны 1948-1949 гг.; публикация В. П. Румянцева (2025) уточняет значение англо-египетского противостояния для понимания внешнеполитического измерения насеристской эпохи.

Объект исследования – политико-идеологические процессы в арабском мире после Первой арабо-израильской войны 1948-1949 гг. Предмет исследования – становление и развитие насеризма как одного из ведущих направлений арабского национализма в 1948-1961 гг.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных выводов о взаимосвязи насеризма, панарабизма, антиколониальной мобилизации и принципа национально-государственного суверенитета при подготовке учебных курсов, научно-исследовательских проектов и аналитических материалов по истории Арабского Востока, арабскому национализму, деколонизации и международным отношениям XX столетия.

Обсуждение и результаты

Сокрушительное поражение арабских армий в войне 1948-1949 гг. обнаружило глубокие структурные противоречия арабского мира. Израиль, находившийся на этапе становления собственной государственности и отстаивавший право на существование, столкнулся с коалицией арабских государств, значительная часть которых представляла собой монархические режимы с ограниченной институциональной устойчивостью и недостаточной общественной поддержкой. Для арабских правительств конфликт с Израилем не сводился исключительно к военной задаче: он стал ареной конкуренции региональных амбиций, борьбы за символическое лидерство и попыток пересмотра сложившегося порядка.

Итоги войны имели для традиционных элит крайне неблагоприятные последствия. Дискредитация правящих кругов усилила недоверие армейской среды к монархическим режимам и создала предпосылки для выхода военных на авансцену политической жизни. В ряде арабских стран именно офицерские группы стали инициаторами последующих политических переворотов и реформаторских проектов (Kamrava, 2013, p. 117; Корнилов, 2020, с. 45). В результате поражение 1948-1949 гг. превратилось в важнейший катализатор формирования новых политических акторов, ориентированных на антиколониализм, государственную модернизацию и радикальное обновление механизмов власти. Военный фактор в этих условиях приобрел не только оборонительное, но и политико-мобилизационное значение: армия рассматривалась как институт, способный предотвратить повторение военного поражения, обеспечить реальный суверенитет и стать опорой модернизационного курса.

В атмосфере кризиса и разочарования арабский национализм приобрел более выраженный мобилизационный характер. Его носителями стало поколение, закаленное опытом национального поражения, солидарностью с палестинским народом и стремлением к независимости арабских стран. Арабский национализм, получивший новое измерение, характеризовался определенной спецификой: во-первых, ориентацией на модернизацию и отказ от архаичных управленческих практик; во-вторых, усилением роли армии как института, способного обеспечить национальную безопасность, гаранта суверенитета; в-третьих, верой в необходимость политического единства арабских народов как условия противостояния внешним вызовам (Kamrava, 2013, p. 117).

Каждая из этих черт получила наиболее яркое выражение в политической биографии Гамаль Абдель Насера. Его харизма основывалась на способности соединять национально-государственную повестку Египта с общеарабской мобилизацией. Каждая из указанных черт в новых исторических реалиях приобретала объективное воплощение и персонифицировалась с личностью Гамаль Абдель Насера, ставшего символом панарабского единства. Насер позиционировал себя как защитник угнетенных народов и последовательный противник империалистического господства, что обеспечило ему значительный символический капитал в арабском мире (Vatikiotis, 1991, p. 287). Палестинский вопрос, будучи важнейшим катализатором становления

насеризма, постепенно превратился в один из ключевых элементов его политической риторики; однако реальным организационным центром насеристского проекта оставались Египет и фигура самого Насера (Kamrava, 2013, pp. 117-118).

Поколение Насера формировалось в условиях глубокой политической турбулентности. Египетская монархия короля Фарука, правившего в 1936-1952 гг., сохраняла лишь ограниченный суверенитет, поскольку значительное влияние на экономическую, военную и внешнеполитическую сферы продолжала оказывать Великобритания. Политические силы, выступавшие против британского присутствия и монархического режима, были неоднородны. Партия «Вафд» выражала интересы значительной части национально ориентированных элит, тогда как движение «Братья-мусульмане»^{*} связывало реформирование общества с исламскими принципами и требованием полного суверенитета. Дополнительное значение имели организации «Молодой Египет» и другие националистические группы, объединенные неприятием политической зависимости и военной несостоятельности правящей верхушки.

На этом фоне особую роль сыграла организация «Свободные офицеры», одним из лидеров которой к 1952 г. стал выпускник военной академии Гамаль Абдель Насер. Для ее участников свержение монархии и прекращение британского военного присутствия были неразрывно связаны с задачей национального возрождения. В «Философии революции» Насер позднее подчеркивал, что опыт войны в Палестине усилил восприятие Египта как «Родины-Матери», нуждающейся в освобождении от внутренней слабости и внешнего давления (Nasser, 1959, p. 28).

Арабский национализм, панарабизм и антиколониализм в этот период выступали взаимосвязанными, хотя не всегда четко разграниченными политическими концептами (Dawisha, 2016, p. 1). Насер стремился придать им практическое содержание, связав идею революционного национализма с программой общеарабской консолидации. Истоки арабского национализма восходили к противостоянию османскому владычеству в XIX в., однако колониальная экспансия Великобритании и Франции придавала ему особую актуальность в XX столетии. В интерпретации арабских идеологов его конечной целью являлось преодоление искусственной фрагментации региона и создание политически интегрированного арабского пространства. Поддержка национально-освободительных движений в разных частях арабского мира отражала стратегическое видение Насера, для которого консолидация выступала условием достижения реальной силы и устойчивости (Jankowski, 2002, p. 78).

К середине 1950-х гг. Насер сумел утвердиться как один из ключевых лидеров не только Египта, но и всего арабского мира. Участие в Бандунгской конференции 1955 г. и вклад Египта в формирование Движения неприсоединения свидетельствовали о стремлении Каира выработать самостоятельную позицию в условиях биполярного противостояния. Национализация Суэцкого канала в 1956 г. стала символом политической решимости египетского руководства отстаивать национальные интересы и бросить вызов западной гегемонии (Nutting, 1972, p. 184). Именно этот шаг превратил Насера в фигуру международного масштаба и закрепил за насеризмом статус антиколониальной идеологии действия.

Становление насеризма невозможно рассматривать вне более широкого контекста арабской интеллектуальной мысли первой половины XX в. Подъем националистических концепций стал реакцией на вызовы колониального господства, политической фрагментации и культурной зависимости. В этот период такие мыслители, как Таха Хусейн, Саты аль-Хусри и Мишель Афляк, заложили основу идеологии арабского единства, который позднее был переосмыслен в политической практике Насера.

Египетский ученый, писатель и общественный деятель Таха Хусейн (1889-1973), оставаясь сторонником открытости к достижениям европейской цивилизации, одновременно подчеркивал необходимость культурного обновления арабского общества и сохранения его исторической идентичности. В работе «Доисламская поэзия арабов» (1926) он предложил критически переосмыслить арабское культурное наследие, что вызвало широкий общественный резонанс. Значение его идей заключалось в том, что они способствовали интеллектуальной модернизации и секуляризации общественной мысли, не сводя развитие арабского мира к простому заимствованию западных образцов.

Саты аль-Хусри (1880-1968), сирийско-иракский педагог и один из наиболее влиятельных теоретиков арабского национализма, рассматривал язык, историю и культуру как ключевые основания единой арабской нации. В работе «Арабизм, прежде всего» (1950) он последовательно утверждал приоритет общеарабской идентичности над локальными государственными лояльностями. Государственные границы, сложившиеся на Ближнем Востоке после Первой мировой войны, аль-Хусри интерпретировал как результат внешнего давления и империалистической политики, направленной на недопущение политического усиления арабского мира (Dawisha, 2016, p. 3).

Мишель Афляк (1910-1989), сирийский философ и один из основателей партии «Баас», развил концепцию арабского социализма, соединив националистическую идею с программой социальных преобразований. В его интерпретации борьба за арабское единство была не только политической, но и духовно-интеллектуальной задачей, связанной с освобождением от внешнего господства и построением более справедливого общества. Афляк опирался на тезис аль-Хусри об искусственном характере границ, разделявших арабский мир, однако смещал акцент с культурно-языкового единства на необходимость революционного обновления арабской нации (Dawisha, 2016, p. 4).

Интеллектуальные разработки данных авторов не тождественны насеризму, однако они подготовили идеологическую среду, в которой насеристский проект получил общественную восприимчивость. Насер

не был системным теоретиком в строгом смысле слова; его политическая миссия в том, что он трансформировал абстрактные идеи арабского единства в практическую программу мобилизации, государственного строительства и внешнеполитического действия.

Глубинные процессы регионального развития, взаимодействуя с внешними импульсами, формировали подвижные политические пространства, не сводимые к линейным схемам модернизации. В этом отношении продуктивным является подход, согласно которому регионы конструируются как сложные пространственно-временные образования, где историческая память, внешние зависимости и современные политические практики постоянно переопределяют друг друга (Ильин, Нечаев, 2022, с. 14). Насеризм, сионизм и палестинский национализм, несмотря на различия в генезисе и целях, развивались в общей среде национального самоопределения, институционального строительства и борьбы за международное признание.

Для интерпретации ближневосточной региональной динамики значим вывод И. Д. Звягельской (2022, с. 55-57) о том, что регионализация на Ближнем Востоке развивается не только через устойчивые институты, но и через конфликтные взаимозависимости, ситуативные коалиции и неформальные связи между государственными и негосударственными акторами.

Египетский национализм существовал задолго до войны 1948-1949 гг., однако именно ее итоги придали ему радикально-политическое измерение. Поражение стало мощным фактором, активизировавшим радикализацию антиколониального сопротивления, усилив критическую оценку монархического режима, а также выступило катализатором консолидации нового национального движения под эгидой Насера. В этом свете насеризм предстал не столько как теоретическая доктрина, сколько как прагматичное движение, нацеленное на реальные преобразования. Его сила заключалась в способности соединить идеологические установки арабских мыслителей с конкретными механизмами власти, мобилизации и внешнеполитического маневра.

Насеризм исходил из признания братства арабских народов, антиколониальной солидарности и необходимости преодоления политической раздробленности. Однако в отличие от ряда интеллектуальных концепций панарабизма он не отрицал значения египетского государства. Напротив, Египет рассматривался как центр, через который общеарабская идея могла получить институциональную форму и политическую эффективность. Именно это обстоятельство порождало как силу насеристского проекта, так и его внутренние противоречия.

Послевоенное десятилетие было сопряжено с радикальными переменами в системе международных отношений. Формирование нового биполярного мироустройства и эскалация идеологического противостояния привели к очевидной переориентации внешнеполитических курсов бывших союзников «Большой Тройки».

В условиях становления концепции «железного занавеса» ведущие мировые державы оценивали политические последствия и потенциальные предпочтения перехода стратегически важных природных ресурсов и геополитических активов региона в сферу влияния противника. В данном контексте принципиальную значимость приобретал Ближневосточный регион, превращаясь в арену активного соперничества. Так реализация Доктрины Трумэна, нацеленной на массированную поддержку Турции и Греции, расположенных «на стыке Старого Света и Ближнего Востока», являлась не только подтверждением масштаба геополитических амбиций, но и важным элементом стратегии США по нейтрализации советского влияния. СССР, со своей стороны, оценивая арабские националистические движения в качестве потенциальных союзников, стремился опереться на них в своей политике противостояния западному блоку.

Не случайно У. Черчилль признавал необходимым для Великобритании определение собственной независимой внешнеполитической парадигмы «между двумя великанами» (АВП РФ, ф. 56 Б, оп. 9, п. 89, д. 50, л. 189). Более того, Соединенное Королевство столкнулось с дилеммой, балансируя между сохранением остатков колониальной империи и поддержкой англо-американского альянса, служившего инструментом достижения собственных целей. Усиление националистических тенденций создавало дополнительные трудности в реализации этой политики.

Различное видение внешнеполитических приоритетов ведущих трансатлантических союзников (Великобритании и США) объединяла схожая оценка относительно ключевых вызовов. Особую значимость в данном контексте имело сдерживание арабского национализма, вдохновителем которого выступал Гамаль Абдель Насер. Западные столицы нередко воспринимали регион как пространство устойчивой фрагментации, авторитарных режимов и традиционных общественных структур, недооценивая глубину социальных и идеологических трансформаций (Звягельская, 2024). В результате динамика панарабизма и антиколониальной мобилизации часто интерпретировалась не как самостоятельный политический процесс, а как производная от внешнего влияния или советской активности.

С целью превентивного сдерживания расширения советской зоны влияния, инициированное англо-американским альянсом создание военно-политических блоков было направлено как на сохранение британского статус-кво в регионе, так и на обеспечение доступа к сырьевым ресурсам и рынкам сбыта американской стороной. В частности, учреждение Багдадского Пакта было продиктовано геостратегической целью – ограничением, с последующей нейтрализацией крепнущих позиций СССР на Ближнем Востоке. Конфронтационный характер взаимоотношений Египта и Израиля наряду с египетско-иракским соперничеством представлял приемлемую альтернативу для реализации данного замысла. Находясь с официальным визитом в Египте в мае 1953 г., глава внешнеполитического ведомства США Дж. Ф. Даллес пытался склонить новое египетское руководство к вступлению в Средневосточный военный союз. И если в Вашингтоне угрозу безопасности Ближневосточному региону видели в социалистической системе, то для египетского лидера потенциальное членство в рамках Багдадского пакта отождествлялось с формой неоколониальной зависимости. В данном

контексте политика Насера, по мнению М. Холланда, перекликалась с позицией Османской империи в период обострений «Восточного вопроса». И потому лейтмотив взаимоотношений Египта со странами Запада сводился к устранению попыток установления доминирующих позиций какой-либо державой в регионе Ближнего Востока (Румянцев, 2025, с. 15). Демонстрируя мастерство дипломатии, египетское руководство достаточно филигранно задействовало императивы Холодной войны, искусно используя противостояние политических систем, реализуя при этом собственные национальные интересы в регионе.

Сдерживанию межарабского сотрудничества способствовали также правящие группы в отдельных арабских государствах, опасавшиеся усиления Египта и распространения революционного национализма. Их негативное отношение к проектам арабского единства во многом усиливалось влиянием Великобритании и США. Дамасская конференция арабских государств, состоявшаяся 30 марта – 1 апреля 1955 г., была посвящена вопросам военных пактов, иностранного вмешательства и угроз национальной независимости. В принятых резолюциях подчеркивалось, что вовлечение арабских стран в военные блоки рассматривалось как нарушение принципов суверенитета и солидарности (РГАНИ, ф. 5, оп. 28, п. 89, д. 358, л. 190-191).

В «Философии революции» Насер сформулировал представление о миссии Египта как государства, находящегося в центре трех взаимосвязанных окружностей: арабской, африканской и исламской (McNamara, 2003, pp. 5-6). С 1954 г. эта модель стала одним из концептуальных оснований египетской внешней политики. Особое значение придавалось арабскому миру, поскольку именно он, по мысли Насера, мог компенсировать ограниченность ресурсов Египта и превратить его в значимого международного актора.

Несмотря на подписание англо-египетского соглашения 19 октября 1954 г., формально завершившего британское военное присутствие в Египте, для Г. Насера актуальной оставалась задача полного вытеснения Великобритании из арабского мира. Англо-американский альянс с его стремлением интегрировать арабские государства в инициированную ими коалиционную систему, представлял прямую угрозу гегемонии Насера в «арабском круге». «Сфера/окружность» Британского Содружества с его потребностью в арабской нефти, контроль над стратегическими ближневосточными коммуникациями и рост британского присутствия в Африке попирали как африканские, так и арабские «круги». Египетская газета «Аль-Ахрам» в оценке этого противостояния признавала фундаментальную несовместимость британских и египетских внешнеполитических принципов, считая «национализм и империализм несовместимыми, как свет и тьма» (McNamara, 2003, p. 5).

Соединенные Штаты, поддержав создание Багдадского пакта, формально к нему не присоединились, рассчитывая сохранить возможность взаимодействия с Египтом. Однако попытки Вашингтона добиться конструктивного египетско-израильского диалога не принесли ожидаемых результатов. Отказ США от финансирования строительства Асуанской плотины в 1956 г. стал поворотным моментом: он подтолкнул Каир к поиску альтернативной поддержки и создал предпосылки для расширения советско-египетского сотрудничества (Quandt, 2004, p. 65).

СССР, начиная с первой половины 1950-х гг., демонстрировал готовность активнее взаимодействовать с независимыми государствами Ближнего Востока. Для Советского Союза стратегической задачей было преодоление «пояса» прозападно ориентированных стран и поддержка арабских режимов, отвергавших западные военно-политические союзы. Показательна беседа советского посланника в Египте с послом Ливана Сами аль-Хури, который отмечал недовольство арабских стран Лондонской декларацией США, Великобритании и Франции в пользу Израиля и подчеркивал, что арабские государства могут приобретать оружие «даже в странах другого лагеря» (АВП РФ, ф. 087, оп. 13, п. 22, д. 7, л. 63-64).

Поставки вооружений стали важным фактором укрепления советских позиций в регионе. Для СССР сближение с Насером имело как геополитическое, так и идеологическое значение: египетский лидер проводил политику неприсоединения, но одновременно декларировал социальные преобразования и антиимпериалистическую программу, что делало его привлекательным партнером в борьбе за влияние в постколониальном мире.

Одним из наиболее сложных аспектов насеристского проекта было соотношение панарабской идеи и принципа государственного суверенитета. В политической историографии широко представлен тезис о внутреннем противоречии между универсалистской логикой панарабизма и территориально ограниченной природой современного государства. Х. Спруйт, С. Краснер, Ф. Агами и М. Барнетт по-разному указывали на то, что арабский национализм, ориентированный на преодоление границ и объединение территорий, создавал напряжение для суверенных государств, вынужденных защищать собственные интересы и институты (Lawson, 2006, p. 143).

Р. Хиннебуш также подчеркивал устойчивое соперничество между нормами суверенитета и панарабизма. С одной стороны, каждое государство стремилось обеспечить безопасность и самостоятельность, зачастую вопреки интересам соседей. С другой стороны, общая арабская идентичность стимулировала ожидания солидарных действий и интеграции (Hinnebusch, 2003, p. 64). В этом противоречии заключалась одна из главных структурных трудностей панарабистских проектов середины XX в.

В отечественной арабистике данная проблема получила глубокое осмысление в работах В. В. Наумкина, анализирующего дихотомию каумизма и ватанизма. Каумизм выражает идею панарабского единства, тогда как ватанизм связан с государственным патриотизмом и привязанностью к конкретной родине. Ослабление панарабских амбиций во второй половине XX в. было обусловлено укреплением национальных государств, однако предпосылки для ренессанса панарабизма сохраняются при условии его трансформации в конвергентную форму, способную соединить общеарабскую идентичность и лояльность к национальному государству (Наумкин, 2021, с. 56).

Так Т. Хасоу (Hasou, 1985) отмечал, что в период президентства Гамалы Абдель Насера (1952-1970 гг.) панарабизм переживал наиболее конструктивную фазу развития. Некоторые исследователи со скепсисом резюмировали, что панарабизм служил лишь инструментом амбициозных региональных лидеров, нацеленных на достижение масштабной поддержки собственных политических планов. Насер вдохновлял арабских националистов, используя идею арабского единства для продвижения интересов страны на региональном уровне. М. Дорэн (Doran, 1999, p. 195) связывал данную стратегию с попыткой сформировать под эгидой Египта новый региональный блок, свободный от британского влияния и способный выступать консолидированно во внешней политике.

Насер при этом не отрицал значения суверенитета. Напротив, он рассматривал его как необходимую предпосылку подлинного арабского единства. Именно поэтому стремление иракского руководства установить контроль над Кувейтом летом 1961 г. воспринималось Каиром как незаконная аннексия, противоречившая не только международному праву, но и принципам равноправной арабской солидарности. Следовательно, насеристская версия панарабизма не сводилась к «поглощению» слабых государств могущественными, а предполагала политическую интеграцию, легитимность которой должна была основываться на признании их полноценными субъектами. Подобную логику отражали и проекты федеративного или конфедеративного устройства арабского мира. Саты аль-Хусри видел будущее региона в объединении, сопоставимом с американским федерализмом; Иззат Дарвазе считал более перспективной конфедеративную модель (Podeh, 1999, p. 26). Национальное командование партии «Баас» также рассматривало интеграцию как постепенный процесс: от конфедерации к более тесным формам политического единства. Максимальный уровень взаимодействия предполагал единую внешнеполитическую сферу, экономическое сотрудничество, синергию базовых принципов в вопросах военного и дипломатического характера. В политическом плане подразумевалось формирование блока независимых государств, аналогично Британскому Содружеству наций, но без монарха. И в рамках подобного блокового объединения – постепенное сближение стран, следующих за более передовыми государствами, но без очевидного прессинга со стороны более сильных партнеров (Lawson, 2006, pp. 144-145).

Конвергенция панарабизма с принципами суверенного государства нашла свое воплощение в становлении и последующем распаде Объединенной Арабской Республики (ОАР). Египетско-сирийское объединение 1958-1961 гг. возникло в условиях роста энтузиазма вокруг идеи арабского единства и воспринималось как первый шаг к более широкому интеграционному проекту. Однако в действительности оно выявило не только мобилизационный потенциал панарабизма, но и его институциональные ограничения.

Инициатива создания сирийско-египетской федерации получила поддержку части сирийского политического класса, военного истеблишмента и руководства партии «Баас» (Jankowski, 2002, pp. 102-103). Переговоры, начатые в январе 1958 г., привели к соглашению о формировании объединенного государства с общим президентом и системой центральных органов власти. Вместе с тем изначально предполагалось сохранение определенных элементов автономии: финансовая и денежно-кредитная интеграция оставалась ограниченной, а административные и силовые структуры сохраняли значительную самостоятельность (Lawson, 2006, p. 145; Podeh, 1999, pp. 44-46).

Сирийские политики не стремились к полному объединению. Для Дамаска союз с Каиром должен был обеспечить политическую устойчивость, защиту от внутренних и внешних угроз и сохранение определенного пространства для самостоятельного маневра. Однако дальнейшее развитие ОАР показало, что египетская администрация стремилась к централизации управления и распространению собственных бюрократических стандартов на «северный регион» объединенного государства. Это вызвало сопротивление сирийских чиновников, офицеров и партийных групп, опасавшихся утраты политического влияния.

Распад ОАР в 1961 г. был обусловлен именно этим противоречием. Сирийские элиты рассчитывали обменять лояльность египетскому лидерству на гарантии автономии, однако фактическое усиление централизованного контроля со стороны Каира подорвало первоначальный баланс. В результате идеологическая установка на арабское единство вступила в конфликт с практическими интересами государственного управления, экономической политики и внутривнутриполитической субъектности Сирии (Lawson, 2006, pp. 145-146).

Эли Подех также указывает на пример ОАР, чтобы подчеркнуть ключевую проблему арабского единства. Он утверждает, что декларативная верность этой идее не смогла компенсировать фундаментальные недостатки проекта: отсутствие эффективно работающих наднациональных институтов и глубокий разрыв между политической риторикой и реальными управленческими практиками (Podeh, 1999, pp. 44-46).

Таким образом, ОАР продемонстрировала, что панарабизм мог быть совместим с принципами суверенитета только при условии институционально оформленного баланса между единством и автономией. Игнорирование этого баланса, а также попытка заменить согласованные федеративные механизмы административной централизацией стали одной из причин провала египетско-сирийского объединения.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать насеризм не как ситуативную политическую доктрину, а как результат взаимодействия нескольких структурных факторов: кризиса легитимности арабских монархий после войны 1948-1949 гг., радикализации антиколониальной повестки, возрастания роли военных элит и поиска новой модели региональной консолидации. Поражение арабской коалиции стало рубежом, выявившим несостоятельность прежних механизмов управления, представительства и межаарабской координации.

Идейная специфика насеризма заключалась в соединении египетского государственного проекта с обще-арабской мобилизационной программой. Интеллектуальные концепции Тахи Хусейна, Саты аль-Хусри и Мишеля Афляка подготовили понятийный аппарат арабского единства, однако именно политическая практика Гамалы Абдель Насера придала этим установкам характер действенной идеологии. В данном контексте насеризм выступал разновидностью арабского национализма, а также способом переосмысления суверенитета, при котором независимость отдельного государства рассматривалась как необходимая, но не окончательная форма исторического самоопределения арабского мира.

Внешнеполитическое измерение насеристского проекта формировалось в условиях Холодной войны. Противостояние СССР, США и Великобритании создавало для Египта пространство маневра, позволявшее использовать конкуренцию внешних акторов для укрепления национальной автономии и регионального лидерства. Суэцкий кризис 1956 г. закрепил за Насером образ символа антиколониального сопротивления и усилил претензию насеризма на выражение интересов не только Египта, но и более широкого арабского сообщества.

Вместе с тем опыт Объединенной Арабской Республики выявил внутренние ограничения панарабистского интеграционного проекта. Египетско-сирийское объединение продемонстрировало, что риторика единства не устраняла различий административных практик, экономических интересов и стремления национальных элит сохранить политическую субъектность. Распад ОАР в 1961 г. показал, что панарабизм обладал значительным мобилизационным потенциалом, но оставался институционально уязвимым при подмене интеграционных механизмов централизованным контролем.

Следовательно, историческое значение насеризма определяется его политическими результатами и долговременным воздействием на составляющую арабской политики второй половины XX в. Он закрепил взаимосвязь антиколониализма, социальной модернизации, военного реформизма и идеи арабского единства. Даже после ослабления панарабистских проектов насеристское наследие сохраняет аналитическую значимость как пример противоречивого взаимодействия идеологии, лидерства, суверенитета и внешнеполитической зависимости в условиях трансформации Ближнего Востока.

В качестве перспектив дальнейшего исследования следует выделить ряд направлений: изучение трансформации насеризма после поражения арабских государств в войне 1967 г.; сопоставление насеризма с баасизмом, исламским политическим активизмом и локальными формами постколониального авторитарного модернизма; оценка роли насеристского наследия в современной политической культуре арабского мира, прежде всего в дискуссиях о суверенитете, региональной интеграции, антиколониальной памяти и государственном лидерстве.

Материалы исследования | Research materials

1. АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 087. Оп. 13. П. 22. Д. 7.
2. АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 56 Б. Оп. 9. П. 89. Д. 50.
3. РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 28. П. 89. Д. 358.

Источники | References

1. Васильев А. М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М.: Восточная литература, 2010.
2. Звягельская И. Д. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.05>
3. Звягельская И. Д. Арабский Восток в XXI веке: специфика политических процессов // Современная Европа. 2024. № 3.
4. Ильин В. А., Нечаев В. Д. Конструирование региональных пространств в современной геополитике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1.
5. Корнилов А. В. Арабский мир после войны 1948-1949 гг.: кризис легитимности и трансформация политических элит // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 61. № 4.
6. Наумкин В. В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.04>
7. Румянцев В. П. Война чужими руками: англо-египетское противостояние в Южной Аравии, 1955-1964 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 2. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2025-17-2-9-47>
8. Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair. Princeton: Princeton University Press, 2016.
9. Doran M. Pan-Arabism Before Nasser. N. Y.: Oxford University Press, 1999. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195123616.001.0001>
10. Hasou T. Y. The Struggle for the Arab World. L.: KPI, 1985.
11. Hinnebusch R. The International Politics of the Middle East. Manchester: Manchester University Press, 2003. <https://doi.org/10.7228/manchester/9780719053450.001.0001>
12. Jankowski J. Nasser's Egypt, Arab Nationalism, and the United Arab Republic. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002. <https://doi.org/10.1515/9781588269904>

13. Kamrava M. The Modern Middle East: A Political History since the First World War. 3rd ed. Berkeley – Los Angeles – L.: University of California Press, 2013.
14. Kyle K. Suez: Britain's End of Empire in the Middle East. L. – N. Y.: Tauris, 2003.
15. Lawson F. H. Constructing International Relations in the Arab World. Stanford, CA: Stanford University Press, 2006. <https://doi.org/10.1515/9780804768023>
16. McNamara R. Britain, Nasser and the Balance of Power in the Middle East, 1952-1967: From the Egyptian Revolution to the Six-Day War. L. – Portland: Frank Cass, 2003.
17. Nasser G. A. The Philosophy of the Revolution. Buffalo, NY: Economica Books, 1959.
18. Nutting A. Nasser. N. Y.: E. P. Dutton, 1972.
19. Podesh E. The Decline of Arab Unity: The Rise and Fall of the United Arab Republic. Brighton: Sussex Academic Press, 1999.
20. Podesh E. To Unite or Not to Unite – That Is Not the Question // Middle Eastern Studies. 2003. Vol. 39. No. 1. <https://doi.org/10.1080/00263200412331301627>
21. Quandt W. B. America and the Middle East // Diplomacy in the Middle East: The International Relations of Regional and Outside Powers / ed. L. C. Brown. L. – N. Y., 2004.
22. Vatikiotis P. J. The History of Modern Egypt: From Muhammad Ali to Mubarak. 4th ed. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991.

Информация об авторах | Author information

Чикаидзе Циснами Михайловна¹, к. ист. н., доц.

¹ Московский государственный строительный университет

Tsisnamy Mikhailovna Chikaidze¹, PhD

¹ Moscow State University of Civil Engineering

¹ tsisnamy@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.06.2026; опубликовано online (published online): 28.07.2026.

Ключевые слова (keywords): арабский национализм; насеристская идеология; панарабская интеграция; национально-государственный суверенитет; каумизм и ватанизм; Arab nationalism; Nasserist ideology; pan-Arab integration; national-state sovereignty; qawmiyya and wataniyya.